
Полина Змеяд
Барыня-старьевщица
Муж
в придачу

Полина Змееяд

Барыня-старьевщица. Муж в придачу

«Автор»
2026

Змееяд П.

Барыня-старьевщица. Муж в придачу / П. Змееяд — «Автор», 2026

3-й (финальный) том цикла!Магия случайно открыла мне мрачную тайну семьи мужа, и теперь я точно знаю, что моя жизнь по-прежнему в опасности. Однако именно теперь, когда имею полное право требовать развода, которого так отчаянно добивалась, уже не уверена, что хочу уходить. Как минимум до тех пор, пока не исправлю собственные ошибки и ужасную несправедливость его судьбы.

© Змееяд П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 28
Глава 9 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Полина Змееяд
Барыня-старьевщица. Муж в придачу

Глава 1

Голова едва не взорвалась от множества вопросов. Если отец Саши все знал, то почему отдал ее? Если сам Игорь знает, что брак с ним опасен, почему взял в жены эту несчастную девушку, даже ее не любя? Или он не знал и начал подозревать только после того, как доказал смерть своей настоящей жены? И поэтому ему так отчаянно нужна была истина, что он решил меня провоцировать? Но если так, почему не дал мне развод, все выяснив?

Я взглянула на Игоря, пытаясь выбрать из вороха вопросов один, самый важный, но муж сидел, подавленный собственным признанием, и методично выщипывал из-под дерева травинки. Одну за другой.

– Если ты думаешь, что я… – начал он бесцветным голосом, но замолчал.

Я накрыла ладонью его плечо и сжала.

– Потом. Прямо сейчас ведь я не умираю. Давай вернемся в усадьбу.

Игорь повернулся ко мне и заломил бровь, но как-то без огонька во взгляде.

– Вы так хотели все знать, но теперь сами меня останавливаете?

Настал мой черед поджимать губы. Не говорить ведь, что мне просто его жаль? Да и стыдно немного: именно по моей неосторожности растревожены его старые раны.

– Думаю, нам обоим надо успокоиться и подойти к вопросу с холодной головой. Может, и вовсе нет никакого проклятия, и ваши опасения напрасны. Все-таки вы – не ваш отец, пусть и наследник его дара.

Хотя про преемственность не только магии, но и судеб надо будет узнать и из другого источника. Не то, чтобы я настолько Игорю не доверяю, но проверить не помешает. В учебнике ничего об этом не говорилось, значит, остается только спрашивать Агриппину. Мы с ней как раз договаривались час после обеда посвятить моей практике с магическим даром.

В усадьбу мы возвращались пешком, ведя лошадей под уздцы. Оба молчали, но прогулка помогла каждому из нас расставить мысли по местам.

По возвращении меня встретила Настя. Заметив, насколько сильно измялось платье, она покраснела, но с пониманием улыбнулась. Сообразив, чем по ее мнению мы с Игорем занимались в лесу, и я ощутила, как щеки заливает краска.

– Можно я письмо напишу за твоим столом? В моей комнате только узкий комод и низкая тумбочка, – спросила подруга, пока помогала мне избавиться от длинной юбки.

– Конечно, пиши. Я передам для отправки вместе с остальными, – разумеется позволила я.

Даже не задумалась, кому и зачем Настя друг решила написать: мысли все крутились вокруг слов Игоря о проклятии. В самом ли деле преемственность судеб может быть настолько сильной, или это лишь совпадения? С одной стороны, звучит невероятно, с другой – Игорь мало похож на параноика, и если он беспокоится, значит для этого есть основания.

До обеда я пропадала в мастерской, снимая с портрета прапрадеда остатки лака, но едва ли наслаждалась яркостью оригинальных красок. После короткой трапезы позвала Николая и вместе мы направились к картине.

– Надеюсь, покрыть картину свежим лаком вы в состоянии без моей помощи? – спросила я, кивая на массивный портрет.

– Разумеется, – гордо кивнул Николай. – Можете ни о чем не беспокоиться, сделаю все, как обучали меня мастера.

Я уже видела работы Коленьки – ничего особенного в его картинах не было, но рука у него оказалась набита, так что, удовлетворившись его ответом, я оставила молодого творца наедине с чужой картиной и поднялась в кабинет Агриппины.

Старуха сидела за столом и генеральским тоном диктовала слуге-помощнику указания. Заметив меня, повелевающим жестом отпустила работника и он попятился к дверям, поминутно отвешивая поясные поклоны.

– Вздумали муку таскать на лепешки. Решили, что не замечу ничего! Пороть их надо, как сидоровых коз, – проворчала Агриппина, провожая слугу недобрым взглядом с прищуром.

– Им что, довольствия не хватает? Если так, надо увеличить, – пришлось отвечать мне, хоть говорить хотелось вовсе не о делах имения.

Агриппина пожевала губами.

– Если всякий раз, как воруют, им довольствие поднимать, так они и вовсе не перестанут, – выдала она.

И то верно, но как быть? Не снижать ведь паек, от этого только больше воровать станут.

– Пусть тогда стоимость украденного отрабатывают, а довольствие повысим потом, если перестанут таскать еду.

Агриппина кивнула и я, обрадованная тем, что проблема так быстро решилась, вывалила на нее вопрос о преемственности даров. Старуха столь резкой перемены темы ясно не ждала, так что даже впала в ступор на несколько мгновений. Потом снова пожевала губы.

– Вели ка подать нам чаю, да присядь. Вижу, использовать дар ты сегодня уже тренировалась, так что говорить будем, – выдала она и кивнула на деревянную софу, которую сюда перетащили утром, чтобы управляющая могла отдыхать, не спускаясь на первый этаж.

Я не стала напоминать сварливой бабке, кто тут на самом деле хозяйка, и выполнила ее указания. Если не подыграю, вдруг она объяснять откажется?

Агриппина и впрямь не спешила: дождалась, пока Фекла спустится в кухню, поднимется к нам с чаем и расставит чашки на столе. Только сделав первый глоток и дождавшись, пока я начну ерзать на софе от нетерпения, она начала наконец говорить.

– В книгах об этом не пишут, не доказано это. Да и как доказать? Разве не многие сыновья судьбу отцов и без дара повторяют? Тут и в воспитании дело может быть, и в деньгах, да мало ли в чем еще.

Слова Агриппины звучали слишком уж ободряюще. Мне бы расслабиться, но я нутром чуяла какой-то подвох и потому не смела ее перебивать.

– В молодости я бывала в столице, меня допустили послушать лекцию одного старого профессора. Так он и вовсе говорил, что дело не в судьбе, а в том, что у людей с одинаковыми дарами и характер один, потому и жизнь похожая, – Агриппина под конец предложения слегка охрипла и замолчала.

Пока старуха смачивала горло остывающим чаем, я и вовсе к чашке не прикасалась. Если подумать, то может тот профессор и прав? Может, в самом деле нет никакой магической связи между судьбами. С другой стороны, так ли уж идентичны характеры наследников дара и их предшественников? Отец Игоря вон жизнь положил на освобождение Антиквы, но не похоже, чтобы муж разделял амбиции своих родственников. Или он когда-то их разделял, но передумал потом? Я ведь все еще не знаю, почему его называют принцем Антиквы.

– Слова того профессора вроде и стройно звучали, но когда его спрашивать начали, почему же сын телепата, как и отец, именно левую ногу ломает, почему видящие сквозь пространство обязательно глаза лишаются, да еще по мелочи всякое – он ответить не смог. И почему я, как отец мой, к сорока годам неходячей стала, тоже этой теорией не объяснить. На словах, выходит, никакой, как ты говоришь, преемственности и нет, а с другой… – старуха снова пожевала губами и повторила новое слово, будто пытаясь его распробовать, – преемственность. Да, это слово правильное.

Выходит, опасения Игоря вовсе не беспочвенные. Но он ведь сам говорил, что отец его отца всю жизнь прожил в счастливом браке. Значит, преемственность заключалась в чем-то другом? Но если так, почему условия игры изменились сейчас? Из-за моего попаданчества?

Из-за того, что у Саши тоже есть магический дар? Или снова есть что-то еще, о чем я как обычно не имею понятия?

– И что, неужели никому не удавалось избежать этой преемственности? – на всякий случай уточнила я, не питая особых надежд.

– А как ее изменишь? В будущее зреть никому не дано, так что не знаешь ведь, за каким углом тебя судьба подстерегает, – меланхолично пожала плечами Агриппина. – Володька вон бахвалился, что если получит дар дяди своего, отца моего тобишь, то непременно ходячим останется. Что знает средство. Да только когда я на ровном месте в канаву свалилась, трижды в храм бегал богов благодарить, что сила не ему досталась.

Я с запозданием сообразила, что она говорит про Владимира Анатольевича. О том, что они не родные брат и сестра, я прежде и не задумывалась, хотя информация лежала на поверхности: отчества-то у них разные.

– Он не говорил, как собирается судьбу переменить? – продолжила допытываться я.

– Нет, конечно. Думал, что если я об этом узнаю, ему дара точно не видать. А отец мой уже тогда его жалел пуще, чем меня, – Агриппина горько улыбнулась.

Что за день такой? Что ни скажу – каждый раз попадаю людям по больным мозолям!

– Простите.

– Да ладно уж, это дело минувшее. Будь я ходячей и без дара, чем бы на жизнь промышляла? – отмахнулась старуха.

Остаток дня все валилось из рук и я даже не пошла смотреть, что еще притащили Федор и Никита со старого чердака: боялась что-нибудь сломать из-за рассеянности. В итоге за несколько часов я лишь написала пару писем – портному с просьбой выслать осенние наряды поскорее и ювелиру с вопросом, когда мне доставят починенные серьги. Отдала их вместе с письмом Насти слуге Игоря, который обычно отправлял почту, даже не глядя, кому адресовала свое послание подруга.

Потом проследила, чтобы китайский иероглиф на рисовой бумаге, который доехал до усадьбе без приключений, аккуратно повесили над секретером в будуаре, и велела подать ужин в комнату, солгав, что мне нездоровится. А может и не солгав – от растерянности я чувствовала почти физическую слабость, хоть и не понимала, чего, собственно, переживать.

Разве я не хотела развода? Разве не добивалась от Игоря расставания при каждом удобном и неудобном случае? И вот теперь свобода прямо передо мной на фарфоровом блюдечке. Протяни руку и возьми. Но почему от этого на душе так горько?

Стемнело, петух проводил хриплым криком уходящее за горизонт солнце, и в гостиной послышался треск камина. Я вышла, только чтобы убедиться в очевидном: на диване перед огнем сидел Игорь. Он пробежал взглядом по короткому письму, текст которого я не разглядела в полумраке, потом вложил его между последними страницами книги и открыл новенький пухлый томик с плотной бумагой на самой первой.

Хотела уйти, но предательница-половица скрипнула под ногой. Муж обернулся и тут же нахмурился.

– Вы напуганы, – констатировал, а не спросил он.

Я пристыженно опустила голову.

Глава 2

Да, напугана, но как ни странно, вовсе не перспективой повторить судьбу одной из жен Павла Платоновича. В груди рвет и треплет от чего-то другого, чему я и сама пока не могу найти названия.

Когда теплые ладони Игоря легки на плечи, я даже не вздрогнула. Наоборот, стало чуть спокойнее. Подняв голову, обнаружила, что он пристально смотрит на меня.

– Наталья Алексеевна – так звали последнюю жену моего отца – умерла лишь спустя несколько лет после брака. Даже если история повторяется, вам ничего не угрожает. И обещаю, что бы ни случилось, я все сделаю ради вашей безопасности. Если понадобится, если это поможет – брак будет расторгнут, – на этих словах голос Игоря стал глуше, а во взгляде появилась странная горечь. – Но не раньше, чем через год.

Ничего не понимаю!

Я дернула плечами, сбрасывая с них ладони мужа, и села на диван.

– Едва узнав о смерти прежней Саши, вы ведь уже заподозрили проблему, не так ли? Но если так, почему тогда продолжали настаивать на сохранении нашего брака? Даже зная, что это может быть для меня опасно?

Игорь вздохнул и сел рядом.

– Тогда я еще не был уверен в своих выводах, но после – вы спасли меня от покушения так же, как когда-то отца спасла Наталья Алексеевна. С той лишь разницей, что в отличие от вас, она задержала его неосознанно. Вы слышали, что она кричала ему перед смертью?

Я покачала головой. Слышать-то слышала, но слов не понимала. Игорь уперся локтями в колени и опустил голову на ладони.

– Она кричала, что умереть первым должен был он и что лучше бы то покушение было удачным. Я не хочу слышать ничего подобного от вас.

Его голос звучал все глуше и глуше, пока не смолк совсем. Игорь выглядел чуть более собранным, чем во время разговора на поляне у ручья, но все же слова давались ему нелегко.

Я и сама не заметила, как теперь уже моя рука сжимала его плечо. Под плотной тканью домашней сорочки я чувствовала напряженные мышцы.

– Сомневаюсь, что вы откроете огонь по тем, кто держит меня в заложниках. Я уже говорила, что вы – не ваш отец. Но почему именно год? Если вы в самом деле не хотите подвергать меня опасности, почему бы нам не развестись сейчас?

– Между нами с отцом больше общего, чем вы думаете. Что до года… за него я помогу вам привести в порядок дела и буду спокоен, зная, что вам будет, на что жить. Для вас это не опасно.

Объяснение звучало логично, но что-то мне подсказывает, что это – не единственная причина. Должно быть что-то еще, о чем Игорь упорно молчит. Ничего нового, опять тайны – одна тянет за собой другую, как по цепочке, и нет ей ни конца, ни края.

Мы еще немного посидели в тишине. Хоть разговор опять вышел тяжелым и отрывочным, уходить не хотелось. Выискивая предлог для продолжения беседы, я заметила углу дивана новенький томик в плотной черной обложке.

– Что это за книга? – кивнула на него.

Игорь выпрямился, будто только сейчас вспомнив о приличиях.

– Перевод Илиады на русский. Мой друг сделал его почти два года назад, но у меня, увы, не было времени ознакомиться.

Муж взял том и бездуно перелистнул несколько страниц. Из-под обложки выпало письмо, которое он читал, пока я не нарушила его уединение.

– От кого? – тут же уцепилась я.

– От Дородина. Приглашение для нас с вами, Анастасии и Николая. Пришло позже, чем я отправил слугу с исходящей почтой, но не волнуйтесь – завтра напишу отказ.

Отказ?! Еще чего! У меня грандиозные планы на это приглашение. Хочет помочь мне наладить дела – так пусть пожертвует своей любовью к уединению. С него не убудет, а через год сможет делать что хочет.

– Мы должны поехать.

Игорь мягко улыбнулся, пряча послание обратно под обложку. Теперь он больше походил на того светского дворянина, которого я привыкла в нем видеть.

– Не уверен, что вы до конца понимаете, какого рода развлечения ждут нас там. Общество вокруг Рысевска собралось совсем не светское. Ни музыкальных, ни литературных вечеров, ни грандиозных пикников от дома Дородиных ждать не стоит, – попытался втолковать мне он, словно неразумному ребенку.

– Вы не понимаете, меня вообще не интересуют тамошние развлечения. Если это не массовая оргия – мы едем!

Понадобилось провести в напряженном молчании несколько секунд, чтобы сообразить, что я снова ляпнула лишнее. Но я быстро справилась со стыдом, увидев, с каким удивлением уставился на меня Игорь. Пожалуй, будь у меня возможность, оговорилась бы так еще раз – только ради удовольствия понаблюдать за ошарашенным лицом мужа.

Не удержавшись, фыркнула в кулак.

– Простите. Дело в том, что я не знаю никого из соседей, а дела вести как-то надо. Вот я и подумала, что поездка в гости может быть отличным предлогом заново со всеми перезнакомиться.

Игорь отошел от шока и кажется смутился собственного удивления. Даже скулы порозовели, а может, это всего лишь блики от камина играли на коже.

– Что ж, с таким лексиконом… может, развлечения, которые любят в семье Дородиных, придутся по вкусу и вам. Я сообщу, что мы приедем, – проворчал он, отводя взгляд, и оттянул воротник сорочки, и без того застегнутый не слишком плотно.

В попытках придумать, как справиться с неловкостью, я снова посмотрела на книгу.

– В последний раз я читала Илиаду, когда училась в университете, – брякнула невпопад, только чтобы прекратить смущенное молчание.

– Если хотите, могу почитать вам. Но предупреждаю: если перевод мне не понравится, я стану его комментировать, – внезапно предложил муж.

– Так будет даже интереснее, – тут же согласилась я.

Подложила под спину подушку, облокотилась на нее, и стоило голосу Игоря зазвучать в гостиной, прикрыла глаза. Сама по себе Илиада никогда не казалась мне ни величественной, ни романтичной: просто мужчины в очередной раз нашли повод подраться, а потом выжившие воспевали сомнительные подвиги павших. Но муж читал так, что слова уже не имели значения: оставалось только чувство, что эти строки пришли к нам из глубин веков, и его мягкий, но уверенный тембр вскоре убаюкал.

Сквозь сон мне казалось, что кто-то нежно целует меня в щеку. Не открывая глаз, я протянула руку, и чьи-то губы коснулись еще и пальцев, но потом я снова провалилась в глубокое забытие.

Проснулась как всегда под раскатистый, хриплый крик Биг-Бена, проворчала пару ругательств и в очередной раз пообещала сегодня же пустить это пернатое недоразумение на суп. Потом сообразила, что уснула, кажется, в гостиной.

Открыла глаза, но обнаружила себя в кровати. Неужели Игорь тащил меня сюда? Отлично, еще один повод слугам с одобрением улыбаться мне вслед, как они делали это вчера, после нашего с мужем возвращения с конной прогулки. В измятой одежде, раскрасневшиеся от полуденного солнца, мы наверняка породили немало слухов и догадок.

– Александра Константиновна? – робко спросила Фекла, стоило мне сесть в кровати.

– Что ты тут делаешь? – удивилась я. Обычно отсылала ее спать, а сама запиралась изнутри.

– Барин вчера велел вас переодеть и остаться в будуаре, – отчиталась она, опуская глаза и явно ожидая взбучки. – Я говорила, чтобы одна спать любите, но он не послушал.

Может, и разумная предосторожность: я ведь вчера пользовалась даром и вполне могла словить очередную магическую белку.

– Я не вставала ночью? – уточнила на всякий случай, хоть комната выглядела совершенно прилично: никаких следов разрушений.

– Нет. После того, как Игорь Павлович ушел, вы даже и не переворачивались, все спали, – поняв, что ее никто не станет наказывать, Фекла расслабила плечи.

Одеваясь, я не могла перестать думать о загадке магических истерик. С одной стороны, хорошо, что все вещи этой ночью остались целы, с другой – если не от применения дара, то от чего зависит появление этих припадков? Чтобы выяснить, наверное и правда придется какое-то время подержать Феклу при себе ночами.

– Ты сама спала? – уточнила я, пока она помогала справиться с платьем в стиле ампир, которое после городских нарядов мне самой уже казалось совершенно провинциальным.

– Вы уж простите барыня, но да, вздремнула на софе. Такая она у вас мягкая, – снова смутилась Фекла.

– Удобно тебе на ней? – продолжила расспросы я.

Фекла закивала так, что несколько прядей выбились из густой русой косы.

– Тогда пока что будешь в будуаре ночевать и следить, чтобы в комнату никто не заходил, и чтобы я глупостей не делала. Только обещай, что если я с ножом или ножницами буду, под руку мне не полезешь – лучше Игоря Павловича зови, если что случится, – проинструктировала я, пока мы шли к столовой.

Фекла обрадованно закивала. Похоже, софа в будуаре и правда понравилась ей больше, чем лавка в девичьей.

Это, кстати, повод проверить условия жизни остальной дворни. Если уж короткий диванчик с жесткой набивкой ей кажется лучшей альтернативой, может, стоит хоть тюфяки соломенные им выдать, или старые одеяла, если есть. Надо будет озадачить Агриппину, пусть разберется.

За завтраком Игорь встретил меня как ни в чем не бывало. Спросил, хорошо ли мне спалось, с ехидным прищуром на холодном лице.

Целовал или мне только приснилось? И не спросишь ведь прямо! Невозможность узнать ответ вызвала короткую вспышку раздражения.

– Великолепно спалось, Игорь Павлович. «Илиада» в вашем исполнении оказалась лучше любого снотворного.

Игорь в ответ на колкость лишь скупо улыбнулся.

– Если мое чтение так благотворно влияет на ваш сон, готов читать вам хоть каждую ночь, – разумеется не остался в долгу он. – И носить до кровати – тоже.

Он сказал это ровно в тот момент, когда в столовую зашел Николай. Мы с юношей вспыхнули одновременно: он – явно от гнева за неприличное поведение Игоря, я – от смущения.

К счастью, следом за Николаем появились и Глафира Никитична с Настенькой, затем – Агриппина, и за обсуждением предстоящих днем дел атмосфера разрядилась.

Мы еще допивали ароматный чай с листьями смородины, когда снаружи послышался скрип колес и топот копыт. Заинтригованная, я первой оставила гостиную и вышла на порог. К дому приближалась роскошная черная карета, вслед за ней ехала крытая телега, доверху набитая какими-то вещами. Кем бы ни был наш очередной незваный гость, он, в отличие от

Дородиных, либо собирался остаться надолго, либо был очень щедр на подарки. Почему-то в первое верилось больше.

– Вы знаете, чья это карета? – спросила я у мужа, как только услышала его шаги за спиной.

– Это экипаж семьи губернатора, – с досадой ответил он.

Глава 3

В голове тут же защелкали шестеренки.

– Начальник целой губернии вряд ли поехал бы в такую глушь, его жена старовата для далеких путешествий, значит, мириться с четой Атониу отправили виновника конфликта, – пробормотала я, не без злорадства наблюдая, как карета трясется по дорожным ухабам.

Надо будет велеть мужикам, чтобы засыпали ямы хоть землей или галькой с реки, но не сейчас – только после отъезда нашего гостя.

– Думаю, вы правы. И правила гостеприимства требуют, чтобы мы оставили Дмитрия в доме хотя бы на пару-тройку дней. Видимо, на это и рассчитывала его семья: за такое время при желании вполне можно разрешить конфликт.

– Или создать почву для нескольких новых, – проворчала я. – Вы же дипломат, так выставьте его за порог, но как-нибудь аккуратно, чтобы не слишком обиделся. Я комнат не напасусь на всех гостей!

– Я бы с удовольствием исполнил вашу просьбу, дорогая, но судя по размерам телеги, Дмитрий решил навестить не только нас, но и семью Дородиных. Наверняка губернаторская чета приглашена в числе прочих гостей. И если сейчас мы выставим его, о нашем… вернее вашем негостеприимстве быстро станет известно всей округе. Плохое начало для дружбы с соседями, не находите?

Настоящая засада! Только я думала, что жизнь возвращается в мирную колею, как случается новый сюрприз. Похоже, если покой мне и светит, то только после развода.

Почему-то мысль о расторжении брака, которая прежде казалась такой естественной и желанной, на этот раз всколыхнула в груди беспокойство. Но я поспешила отогнать непрошенную тревогу и натянула на лицо вежливую улыбку. Игорь приобнял меня за плечо почти собственническим жестом и заставил шагнуть ближе к нему.

Ах да, на публике мы ведь образцовая супружеская пара.

– Я оценил вашу помощь тогда, в театре, но на этот раз развлекать гостя предоставьте мне. С вас – только ночлег для него и место за столом, в остальном – занимайтесь своими делами. Если понадобится ваше присутствие – я предупрежу. Договорились? – шепнул мне на ухо муж.

Хотелось одновременно отстраниться и замереть, когда его дыхание обожгло кожу. Пытаясь сбросить наваждение, я кивнула.

Успела натянуть вежливую улыбку как раз вовремя, когда карета остановилась перед домом и из нее вылез, ругаясь себе под нос, Дмитрий. Впрочем, как только гость повернулся к нам, тоже растянул губы в притворной улыбке, правда глаза его остались по-прежнему холодны.

Мы раскланялись по местным правилам: сначала Дмитрий отвесил легкий поклон мне, потом пожал руку Игорю. Вся процедура казалась механической, и оттого раздражала.

– Прошу простить меня за внезапный визит, – сухо начал гость и сам же, ощутив нелепость собственных слов, покосился на телегу с вещами. – Я здесь по поручению своей матушки. Она велела прислать к вам подарок в знак дружбы между нашими семьями.

– Подарок? Что вы, не стоило, – отмахнулась я, стараясь, чтобы улыбка не сползала с лица, как подтаявшее мороженое с деревянной палочки.

– Уверен, они вам придутся по душе, – так же светски ответил Дмитрий. – Вы ведь большая любительница искусства.

Причем здесь искусство? Если в телеге – те картины, которые мне показывала губернаторша, то пусть засунет их себе в… А хотя нет, пожалуй, они и правда пригодятся.

– Вещами займутся слуги. Проходите, Дмитрий, я велю подать свежий чай. Вы наверняка выехали затемно и устали в дороги, – я отступила в сторону, открывая гостью вход в дом и предоставляя его заботам мужа.

Раз Игорь сказал, что справится сам, значит так и будет. К тому же, Дмитрий в этом доме в заведомо проигрышном положении: у него нет ни публики, ни заступников. Дворня прекрасно помнит, кто именно ей платит, я всецело на стороне Игоря. Разве что Коленька и Настя могли бы, теоретически, вступиться за несчастного, но сомневаюсь, что от заступничества кого-то из них будет толк.

Первым делом я действительно заскочила на кухню, но лишь для того, чтобы повар, добродушно улыбнувшись, заверил меня, что накормит еще хоть одного, хоть десяток гостей. Потом позвала Никиту и Федора и объяснила, что вещи из их мастерской придется переносить обратно на второй этаж. Хотелось извиниться перед ними за бесполезную работу, но я сдержалась: один раз прогнешься – потом уважать перестанут. Пусть лучше думают, что барыня чудит.

К тому же, я ведь все равно собиралась переселить Агриппину на первый этаж. После отъезда Дмитрия комната как раз останется свободной. И она достаточно просторная, чтобы разделить ее ширмой и установить стол – будет и кабинет, и место для отдыха. А тот кабинет, что на втором этаже, как раз и будет складом для хлама. Может, в следующем году вообще утеплить второй этаж и сделать его музейным? Но это все потом.

Дважды пересказав работникам, что и куда убрать, и какую мебель откуда принести, я заставила их повторить все в точности, потом отослала Аглаю за водой и наказала чисто прибрать флигель, и лишь после этого вернулась за стол.

Агриппина, извинившись, уже покинула столовую и отправилась на второй этаж, сославшись на усталость. Я подозревала, что оттуда она будет наблюдать за приготовлениями, и останавливать старуху не стала.

Зато Глафира Никитична, похоже, никуда уходить не собиралась. Она сидела рядом с Настей, словно цепная собака. Очень злая собака, готовая едва ли не рычать на Дмитрия. Сама же Настя сидела тихо, словно мышка, и кажется, боялась даже взгляд поднять. Неудивительно: на ее месте я бы наверное тоже стушевалась. Но ничего, я ее в обиду точно не дам.

Обязательный обмен любезностями о здоровье и погоде я уже пропустила, и теперь мужчины разговаривали о делах в Рысевске. Вполне вежливо, пусть и сухо, насколько я успела заметить. Однако стоило мне войти в столовую, как Дмитрий тут же вскочил.

– Александра Константиновна, простите мое нетерпение, но мне хотелось бы поскорее исполнить наказ матушки. Я привез весьма деликатный груз и не хотелось бы, чтобы он пострадал в коробках от небрежного обращения, – затараторил он.

Кажется, заунывная светская беседа, устроенная Игорем, давила на него не хуже откровенной угрозы, а может – и лучше. Я мельком взглянула на мужа, но тот остался совершенно невозмутим. Поймала себя на мысли, что мне больше нравилось видеть его настоящим, пусть и не таким идеальным, но к счастью, развивать ее было некогда.

– Тогда идемте во двор, покажете свой груз. Думаю, здесь всем любопытно, что же за чудесный подарок мне прислала ваша матушка, – я улыбнулась, обводя стол взглядом.

Игорь, поняв намек, поднялся первым. За ним из дома обратно во двор потянулись и все остальные. Я шла впереди, но успела заметить, что Настенька плетется последней, стараясь вовсе не попадаться нашему гостю на глаза.

Поклажу в повозке покрывал большой кусок плотной серой ткани. Когда мужики сняли его, Дмитрий указал на три плоских ящика, наспех сбитых из каких-то старых досок.

Я с трудом сдержала усмешку. Могли бы и покрасивее упаковать подарок для спасительницы их сына от опасной дуэли. Если Игорь вместе с отцом участвовал в войне за независи-

мость Антиквы, он наверняка хорошо стреляет, и шансов у Дмитрия было немного. Без моего вмешательства он мог остаться калекой или вовсе покинуть этот свет.

Судя по тому, как Игорь красноречиво заломил бровь, он думал примерно о том же.

Вокруг коробок тут же засуетился и слуга Дмитрия – неприметный мужичок лет сорока, худой и проворный. Черт, еще же и его куда-то устроить надо, а дом не резиновый, между прочим!

Пока я прикидывала, не отправить ли его ночевать в сарай, мужик сноровисто открыл ящики, поддев крышки раздобытым где-то во дворе топором. Как только он закончил, я шагнула ближе и с любопытством осмотрела их содержимое. Впрочем, ничего интересного внутри не обнаружила: в набитых сеном углублениях лежали некоторые из тех картин, которыми недавно хвасталась губернаторша. Грубые пятна пейзажей, лишь намечающие ландшафт, но не передающие его, бледные краски, иногда – слишком детальные фоны для слишком размашистого переднего плана. Ничего особенного, полотна даже не старые. Некоторые из них покрылись едва заметной пленкой цвета сепии, и ее даже не обязательно счищать: хотя бы она придавала банальным картинам романтический налет мнимой старины.

Пожалуй, эти картины и отдам на растерзание Никите. Пусть учится снимать лак. Если что и повредит – на такой мазне дефектов и видно-то не будет.

Рассматривая хрупкий груз, я не заметила, как приблизилась Настя. Услышала ее, лишь когда она нервно выдохнула, глядя на картины большими остекленевшими глазами.

Глава 4

Я шагнула к Насте и сжала ее пальцы, пытаясь поддержать. О чем бы не напоминали ей эти картины, все уже в прошлом. Подруга с благодарностью кивнула, но все еще выглядела напуганной.

– Чудесные полотна! – преувеличенно-бодро сказала я. – Если вы не возражаете, Дмитрий Петрович, я сегодня же займусь их подготовкой, чтобы как можно скорее повесить в прихожей. Гости нашего дома непременно должны их видеть!

– Ценю ваш энтузиазм и с удовольствием передаю картины в ваши руки. Если позволите, я бы хотел отдохнуть с дороги и не стеснять вас, – Дмитрий натянуло улыбнулся.

Я заметила, что смотрел он больше не на меня: переводил взгляд с Настеньки на Глафиру Никитичну. Старуха кривила морщинистые губы, но молчала. Интересно…

Я скорее позвала слуг, велела Аглае проводить гостя в подготовленный для него флигель, подоспевшим Никите и Федору – унести картины в мою мастерскую. Заниматься ими на самом деле я вовсе не собиралась, но кое что проверить все же стоило.

Подхватила Настю под локоток, чтобы она не надумала сбежать, и подтолкнула ее в сторону своего рабочего места: там мы сможем поговорить без свидетелей. Собиралась последовать за ней и сама, но Игорь подхватил меня под руку и к мастерской мы шагнули вместе.

– Всего несколько недель, и вы стали настоящей царицей своих владений, дорогая, – с улыбкой шепнул он, ведя меня именно туда, куда я и направлялась.

Я вспомнила, как боялась выходить к слугам в первый раз, и тоже улыбнулась. Да уж, быстро же привыкла командовать. Или на самом деле мне и не надо было привыкать?

– Вы бы предпочли, чтобы я и дальше пряталась в своих комнатах, как мышь? – уточила на всякий случай, но постаралась придать этому вопросу вид невинной шутки.

– Вовсе нет, – не стал изощряться с ответом муж и, оставив меня у двери в мастерскую, ушел.

И что это было? Комплимент? Но зачем? Какой в этом смысл теперь, когда мы точно выяснили, что вскоре должны расстаться?

Ладно, о странности Игоря можно хоть целый день ломать голову, но есть вопросы более срочные.

Я завела Настю во флигель, в котором уже и развернуться стало негде из-за новых картин, и плотно заперла дверь.

– Что с ними не так? – я кивнула на аляповатые пейзажи, небрежно прислоненные к стене.

Щеки Насти порозовели, она на миг опустила взгляд, но тут же, сжав кулаком подол платья, снова подняла голову. Что бы она не собиралась сказать, признание явно дается ей нелегко, поэтому я ободряюще улыбнулась, давая понять, что поддержу ее.

– Я помню эти картины. Они висели в той комнате, где я… и губернатор… где нас наконец-то застала его жена. Наверное, она рассчитывала, что вы сможете увидеть через эти картины мое так называемое распутство, и выгоните меня из дома, – на одном дыхании выпалила она.

Вот как! Но с чего бы картинам показывать мне именно эту сцену? С чего бы мне вообще смотреть на их прошлое? Слишком уж много скользких моментов в этом плане, но теперь, после признания Насти, я просто обязана все проверить!

– Почему Саюшкины так хотят, чтобы тебя выгнали не только из моей усадьбы, но и из города? – немного подумав, все же решилась продолжить расспросы я.

– Представь, что станет с репутацией губернатора, если я начну говорить о правду о случившемся в их доме? – покраснев еще сильнее, все же ответила она.

– Что-то мне подсказывает, что с его репутацией не сталось бы решительно ничего, – рискнула усомниться я. – Другие мужчины не сочтут большим грехом заигрывания с молодой и красивой барышней, а на мнение женщин всем плевать.

Настя вздохнула и кивнула.

– Может ты и права, но кому захочется, чтобы эта история дошла до столицы? Так ведь и должности лишиться можно.

Тоже верно, но не слишком ли ненадежный план Саюшкина выбрала, чтобы раскрыть мне глаза на поведение Насти? Или она просто слабо представляет, как работают магические дары. Вообще, насколько хорошо люди без дара осведомлены о магии в этом мире? Я ведь так и не успела толком этого выяснить, потому что ни разу не слышала никаких разговоров о магии в свете. А раз эта тема – табу, то и знать непосвященным толком неоткуда, так?

– В любом случае молодец, что рассказала, – сообразив, что пауза затянулась и подругу это нервирует, улыбнулась я. – Знаешь, даже если бы тебе и в самом деле зачем-нибудь вздумалось соблазнить старого губернатора, я бы все равно не выгнала тебя. Мир таков, что иногда иначе не выжить.

Настя распахнула глаза от удивления.

– Но как же твое доброе имя? Одно знакомство с дамой полусвета или еще более низкой девушкой может бросить на нее тень!

– Слухи о моем безумии и так давно распространились, хуже бы не стало, – отмахнулась я.

Как же раздражают местные приличия: ни шагу не ступить без оглядки на высшее общество.

– Выходит, ты мне доверяешь? – со странным трепетом уточнила Настя.

Я удивилась, но согласно кивнула.

– Тогда выполнишь одну мою просьбу?

– Может быть, – не спешила давать гарантий я.

– Не смотри в прошлое этих картин. Хотя бы не сегодня и не завтра. Пару дней отдохни от дара, хорошо?

Подозрительно.

– Почему ты просишь об этом?

Но Настя не ответила. Порывисто подошла, сжала мои руки, а потом вылетела из флигеля испуганной птицей.

И как это понимать? Почему она не хочет, чтобы я пользовалась даром? Не скрывают ли эти картины что-нибудь еще, о чем она умолчала? Доверяю ли я ей настолько, чтобы исполнить эту просьбу? Мы ведь знакомы всего несколько недель.

Раздумывая, как лучше поступить, я действительно принялась аккуратно собирать с ценных подарков пыль сухой тряпкой. Заметила несколько свежих царапин на рамах, которые, наверное, остались после неаккуратной перевозки, и мельком порадовалась, что появился повод пока не вешать их в доме. Надо ведь починить, а ремонт может и затянуться.

Деревянные рамы и грубые мазки масла грелись под пальцами, но ни случайно, ни специально не спешили раскрывать своих тайн. Похоже, у нас с этими пейзажами взаимная неприязнь: они отталкивали меня, не желая делиться ни толикой информации.

Похоже, выбора у меня особо и нет: придется последовать совету Насти и воздержаться от магии. Но может через пару дней, если приведу это старье в порядок, оно ко мне подобреет?

После полудня, не дождавшись обеда, Игорь ультимативно предложил Дмитрию конную прогулку, так что гость не смог отказаться.

– Баре решили на завод съездить. Игорь Павлович дела проверить хочет, и гостя с собой прихватил. Верхом они за пол дня обернутся, к ужину уже будут здесь, – сообщил мне Степан, и я заподозрила, что дела тут не причем.

Почему-то казалось, что Игорь просто решил ненадолго освободить меня от обременительного чужака в доме. Хотя с чего бы ему так ради меня утруждаться, особенно теперь?

Отбросив глупые мысли, я поднялась к Агриппине. Застала ее, полулежащей на софе и глядящей пустыми глазами в покрытый трещинами потолок.

– Глафира с Настенькой ссорятся. Сразу видно – родственницы. Эх, жаль я слышать не могу, только видеть, – проворчала на и, кряхтя, села ровнее.

Я не стала развивать тему. Семейные трудности Насти меня не касаются. Вместо этого сразу перешла к делу: Николай сегодня, как мы и планировали, поехал по деревням – знакомиться со старостами и оценивать хозяйство. Хотя Агриппина уже и сама все посмотрела, и даже составила беглый отчет. Правда, выглядела она после этого очень уставшей и оттого ворчала больше обычного.

– Куб нашли, да мужик, верно, торговаться станет. Привык к вольнице, пока при батюшке вашем жил, – говорила она, время от времени поглядывая в неряшливые записи, которые я подала ей со стола. – Но ничего, я у него видала в погребе и товар из-под полы. Там даже ткани есть, на которые только у купцов разрешение. Если сохранить хочет, будет работать, никуда не денется.

– А что со сбором живицы? Найдутся работники? Есть еще хоть кто-нибудь, кто на заводе Игоря не пропадает?

– Есть. Пьянь всякая, бездворовые, да дети: Игорь Павлович, говорят, сильно молодых на заводы-то не берет, мол толку от них мало, – старуха скептично усмехнулась, намекая, что скорее поверит в неуместную доброту барина, чем в такое объяснение. – Ну и ладно, кору надрезать и смолу по ведрам собрать – дело нехитрое. Только вот елей и сосен у нас тут мало, надо бы и с соседями договориться.

– К Дородиным поеду – там и договорюсь, – кивнула я.

– Поедешь все-таки? – отчего-то недобро прищурилась старуха. – Как знаешь.

Она-то почему против? Или тоже наслышана о репутации предводителя местного дворянства? Если так, почему прямо не скажет? Считает, что не ее дело барыню поучать? Да и ладно, пусть молчит. Мне в любом случае ехать надо, связи налаживать.

Еще несколько часов мы провели, планируя, где организовать производство. По всему выходило, что придется пока занять пустующие сараи на скотном дворе, но на следующий год надо бы построить отдельное здание, и печи поставить там. От планов под вечер у меня распухла голова, и за ужином я по большей части молчала, предоставив Игорю нарочито хвастаться родовитыми и богатыми покупателями льна с его фабрики, и бесить этим Дмитрия до белого каления.

Даже злорадно радовалась, что на этот раз муж нашел себе новую жертву и шутит не надо мной. Достался же благоверный с таким характером: ему ведь просто нравится бесить людей! Выглядит и ведет себя вроде бы безупречно, придраться не к чему, но я все равно вижу в нем того противного мальчишку, который на уроке нет-нет да и кольнет булавкой соседа, а когда тот не выдержит и вскрикнет, все шишки полетят на первого, кто начал шуметь, а не на истинного виновника беспорядков. Готова ставить честь Саши на то, что у Игоря богатый опыт подобных детских каверз.

Вечером, убедившись, что Фекла удобно устроилась на софе, я уснула, едва коснувшись головой подушки. Утром, как только хриплый крик Биг-Бена вырвал меня из объятий смутного нежного сна, обнаружила, что лежу в лоскутах пододеяльника.

Боги, ну почему опять? Как же это надоело!

Глава 5

Когда я встала, мелкие и крупные лоскуты свалились на пол. Огляделась вокруг в поисках орудия вандализма, но ничего режущего не нашла. Осененная догадкой, заглянула под кровать. Под ней поблескивали ножницы.

Откуда ни вообще взялись в спальне? Я ни разу не видела их здесь. Хотя могла и не заметить в углу шкафа.

Я взялась за витые металлические кольца. Провела по лезвию и посмотрела на пыль, осевшую на пальцах. Потом провела рукой по полу, уже придумывая, как отчитать Феклу за плохую уборку, но пол оказался совершенно чист. Наверное, эти ножницы и правда давно лежали, всеми забытые, в дальнем углу. Я о них не помнила, но может, в моменты помутнений приходят остатки воспоминаний бывшей владелицы тела?

Что-то тут не то. Я чувствовала, что рассуждаю не в том направлении, но никак не могла понять, где ошибка.

– Барыня, вы уже… – проснулись, наверняка хотела спросить служанка, но так и замерла с открытым ртом.

Картина ей, верно, открылась не самая приятная: хозяйка сидит на полу и сжимает в руке ножницы, вокруг – лоскуты белой ткани.

Я тут же отбросила ножницы на кровать и подняла руки, показывая, что не опасна.

– Не поднимай шум, в доме гость. Лучше помоги убрать и скажи, что слышала ночью, – сказала как можно спокойнее, чтобы убедить Феклу, что я сейчас настолько в здравом уме, насколько это вообще возможно в моем случае.

Подавая пример, первой начала собирать лоскуты, упавшие на пол.

– Что же вы? Я все уберу, поднимайтесь! – встрепенулась служанка и первым делом помогла мне встать с пола.

Потом быстро сгребла остатки ткани, завязала их в узел.

– Ничего, я все перестелю… – она даже раскраснелась от суеты, которую сама же и устроила.

– Ты слышала что-нибудь ночью? – повторила я уже с нажимом.

Фекла замерла посреди комнаты и опустила голову так низко, что волосы, которые она еще не заплела после сна, полностью скрыли лицо.

– Не слышала.

– То есть как это? Вообще ничего?

Служанка завыла, рухнула на колени и подползла ко мне.

– Не гоните, барыня! За день умаялась, пока в кухне на гостей готовили, вот и уснула. Софа у вас больно мягкая, – причитала она, пытаясь поймать края моего ночного платья.

Напуганная и разозленная ее внезапными слезами, я отскочила, не позволяя к себе прикоснуться. Ну не слышала, и что? Казнить мне тебя что ли теперь, дуреха?

– Поднимись немедленно!

Но Фекла не слушала. Плакала, раскачивалась, билась головой об пол.

– Батька меня со свету сживет, если домой ни с чем ворочусь, – снова и снова повторяла она, будто позабыла все остальные слова.

Я прикидывала, как бы обойти испуганную служанку, и уже собиралась перебраться через кровать на другую половину комнаты, когда, довершая трагикомичность ситуации, распахнулась дверь в будуар.

– Что здесь происходит? – вопрос Игоря сработал, как ведро ледяной воды: Фекла разом успокоилась, а я тут же пришла в себя и только теперь окончательно проснулась.

– Что вы здесь делаете? – тут же перешла в наступление.

– Хотел соблюсти приличия и выйти к завтраку вместе с женой, пока в доме гость. Я стучал и ждал у дверей, но услышал крики и плач. Еще раз – что здесь происходит? – Игорь говорил все так же спокойно, но судя по тому, как еще на несколько градусов похолодел его голос, он быстро терял терпение.

– Ничего… нового, – с досадой призналась я и бегло пересказала события сумбурного утра.

Пока готовила, Игорь неотрывно смотрел на служанку. Фекла повернулась к нему и замерла, бледная, как загнанная в угол мышь перед лисицей.

– Не гоните-е! – только и смогла она всхлипнуть, когда я замолчала.

Игорь нахмурился и принял решение за считанные секунды.

– Марш на скотный двор. Чтобы я больше не видел тебя в доме.

Это вообще-то мой дом и моя прислуга, какое он имеет право распоряжаться?

– Но… – попыталась возразить я, однако стоило мужу поднять голову, как тут же проглотила все заготовленные слова. Сейчас явно был не подходящий момент для пикировки.

Ожидала, что Фекла снова зальется слезами, однако она вскочила и, беспрестанно кланяясь, исчезла в дверях. Видимо опасалась, что барин сменит свое милостивое решение на более суровое.

– Это было вовсе не обязательно, – все же решилась оспорить я, злясь на себя за трусость. Если я уже взглядов Игоря начала бояться, то наверное и правда лучше бы с ним развестись. – Что бы она смогла сделать, даже если бы услышала? Не бросаться же ей на безумную девицу, у которой ножницы в руках?

– Я велел ей следить за вами, а не отлеживать бока на диванах. Она могла бы позвать меня.

– А что бы сделали вы? Ваш дар ведь не действует на сумасшедших.

– Но физически я сильнее. Забрал бы ваше оружие, чтобы утром вы не сожалели о сделанном. Вы ведь любите этот дом, я знаю, что на самом деле вы не хотите ему вредить.

Я покосилась на узел с тканью, прикидывая, что с ним можно сделать. Это было белое льняное полотно, которое отлично грело вечерами, а по утрам дышало прохладным с ночи ветерком. Хорошо, конечно, что пострадала эта ткань, а не очередное платье или мебель – окажись она порезанной в третий раз, я бы не выдержала и выбросила ее.

Но если мне повезло сегодня, это вовсе не значит, что так же повезет и завтра. Что же, мне привязывать себя к кровати? Или каждый раз засыпать, зная, что утром я проснусь на руинах чего-то, что еще вчера сама же шила, чинила или склеивала? А вдруг когда-нибудь я порежу картины? Побью вазы? От одной мысли об этом стало зябко, но прежде чем я успела обхватить плечи руками, оказалась в крепких объятьях.

От удивления замерла, вдохнула. На этот раз не дорогой парфюм, а совершенно уникальный терпкий запах, напоминающий горькие травы, к которому примешивался еще и тот, неповторимый аромат ткани после деревенской летней стирки, когда сырые вещи непременно прожаривают под полуденным солнцем. Ощущение теплой руки на талии и вовсе выбило из головы остатки беспокойства. Так уютно и надежно мне давно уже не было.

Вот постоим еще секунду – всего мгновение – и я скажу ему, что это совершенно недопустимо, что он не имеет права, и что мы договаривались о другом. Всего секунду… и еще пару секунд.

С духом я так и не собралась, Игорь разжал руки первым. Я тут же отпрянула, одернула полы плотной ночной сорочки, которая закрывала ноги до пят, но все равно чувствовала себя почти раздетой. Да и затуманенный взгляд Игоря намекал, что тонкая сорочка в сочетании с крепкими объятиями не оставила от него секретов.

– Я пришлю другую служанку. Жду в гостиной, – отрывисто сказал он и резко развернулся, но остановился у самой двери. – Простите.

Потом пробормотал что-то по-гречески и вышел, не дав мне опомниться.

– Невежливо говорить на языке, который я не понимаю! – крикнула я хлопнувшей створке.

Вскоре пришла одна из тех женщин, которые в основном работали на кухне или занимались уборкой. Входя в комнату, она еще повязывала чистый фартук – явно спешила исполнить приказ Игоря. Распоряжается уже, как у себя дома!

Служанка помогла мне облачиться в платье – в панталоны и нижние юбки я уже влезла без ее помощи – и причесала, собрав волосы в не тугую косу и скрутив ее в пучок по моей просьбе. Особенно нарядной выглядеть не хотелось, но я все же надела жемчужные серьги и нить к ним в комплект, чтобы не выглядеть совсем уж бледной тенью за завтраком.

Игорь действительно дожидался в гостиной и в столовую мы вошли вдвоем, как он планировал. Я тут же ощутила на себе цепкий взгляд Дмитрия, и хотя не могла понять, что именно так старательно пытается разглядеть, на всякий случай выпрямила спину и послала в пространство одну из тех ядовито-приторных улыбок, которые привыкла расточать, пока мы жили в Рысевске.

Когда настало время обмениваться традиционными утренними вопросами в духе как вам спалось и нравится ли комната, даже немного приободрилась, найдя у формальных фраз один неоспоримый плюс: они помогали не скатываться в неловкое молчание даже в те моменты, когда говорить совсем не хотелось.

За едой уточнила, нужен ли Игорю сегодня кабинет, и когда он ответил отрицательно, приободрилась.

– Я хочу заняться книгами из наследства. В кабинете как раз остались пустующие шкафы, – пояснила я и, как только позволили приличия, покинула столовую.

Небо сегодня хмурилось, тучи наливались тяжелой синевой, но все никак не обрушивались дождем. Парило и я предполагала, что после полудня начнется гроза.

Книги, уже просушенные в тени веранды, давно лежали грудой прямо в углу прихожей. Стоило разобрать их, чтобы не отсырели снова – воздух у двери в дождливые дни становился влажным.

Игорь хотел предложить помощь, но вовремя сообразил, что после утренней сцены я не хочу оставаться с ним рядом дольше необходимого. На всякий случай упомянул, что будет рад еще почитать мне Илиаду и ретировался, кажется, тоже слегка обескураженный утренним происшествием.

За спиной одна из служанок протирала пыль с мебели. Не то чтобы в доме было грязно, но она, похоже, во что бы то ни стало решила не оставлять меня в одиночестве. Я принялась раскладывать книги по аккуратным стопкам, но едва ли запоминала, какие из них брала в руки: мысли все крутились вокруг утренних объятий, и щеки заливала краска, но не смущения, а злости. Я должна была сразу его оттолкнуть и сказать, что это неуместно! Мы ведь уже договорились, что брак все же будет расторгнут, не через пол года – так через год. Зачем создавать эту двусмысленность, если мы оба знаем, что ради моей безопасности нам лучше быть порознь?

– Александра Константиновна, – шепотом позвал кто-то.

Я вздрогнула от незнакомого голоса, подняла голову и только теперь заметила Дмитрия, который склонился над грудой книг и разглядывал их с преувеличенным вниманием.

– Что вам нужно? – спросила громко, чтобы никто не подумал, что я шепчусь с посторонним мужчиной, тем более с таким.

Дмитрий воровато огляделся, и убедившись, что служанка далеко, наклонился чуть ниже.

– Не шумите, я лишь хочу вам помочь! Признайтесь, вы ведь страдаете в этом доме и в этом браке?

Глава 6

Тоже мне, семейный психолог нашелся. Я только фыркнула, глядя, как серьезно смотрит на меня гость. Будто в самом деле ждет, что сейчас глупая девица зальется слезами, упадет на его широкую грудь и станет жаловаться на тяжелую судьбу.

Надо признать, грудь у Дмитрия и правда широкая, но падать на нее у меня нет ни малейшего желания.

– Вы не хотите признаваться, – по-своему истолковал мою пантомиму гость. – Это делает вам честь. Ни одна порядочная женщина не станет, как говорят в народе, выносить сор из избы. Но уверяю, мне вы можете довериться.

– Даже если бы меня действительно не устраивал брак с Игорем Павловичем, вам-то какое дело? – все же спросила я из чистого любопытства.

Сочтя мои слова за успех, он приободрился.

– Вам ведь прекрасно известно, что мы с вашим мужем не в самых добрых отношениях. И если я могу сделать доброе дело, избавив вас от обременительного брака, и тем самым еще насолить своему врагу, я с удовольствием вам помогу, – высказал очевидное он.

Я мельком обернулась на служанку, которая продолжала вытирать пыль с таким усердием, будто от чистоты зависит ее жизнь. Она наверняка понимала, в какой сложной ситуации оказалась, слушая наш разговор: не доложит о нем Игорю, вызовет его гнев, доложит – разозлит меня. Бедная женщина, она должно быть уже распрощалась со своей работой и трижды прокляла себя за слишком усердное исполнение барского приказа не отходить от Александры Константиновны ни на шаг.

Я поднялась, вытерла руки о тряпку – одну из тех, что остались от пододеяльника – и посмотрела на гостя сверху вниз.

– Враг моего врага – мой друг? – скептично изогнула бровь я.

За дверью скрипнула половица. Там, за проходной комнатой, как раз находилась гостиная, куда недавно ушел Игорь, так что не удивлюсь, если он сейчас стоит за дверью и, не особенно скрываясь, слушает нас. Интересно, чуйка на интересные тайные беседы – это его профессиональный навык или в том, что он всегда оказывается в нужном месте в нужное время, повинна лишь слепая удача?

Дмитрий тоже встал, отряхнул от пыли брюки и улыбнулся, явно подумав, что таки добился моего доверия. Я скупо улыбнулась, поддерживая эту его иллюзию.

– Не в моих привычках обсуждать семейные дела с посторонними, однако ради вас я пожалуй сделаю исключение. Разумеется при условии, что вы никому и ни под каким предлогом не передадите сказанное мной.

Я выдержала драматическую паузу, заставив Дмитрия податься вперед от нетерпения. Но проверяла я вовсе не его выдержку, а самообладание Игоря. Выйдет муж из-за двери или нет? Прервет ли он этот разговор, или позволить мне закончить?

Прошла секунда, другая, но за дверью не слышалось ни шороха, ни скрипа.

– Разумеется, Александра Константиновна. Уверяю вас, я умею хранить тайны, – поторопил Дмитрий. Его глаза даже заблестели от предвкушения.

Идиот.

Я улыбнулась чуть шире, наклонилась и прошептала так громко, что за дверью, в створках которой виднелась небольшая щелка, все точно будет слышно:

– Это меня даже немного пугает, но в последнее время мы с Игорем Павловичем, – я не удержалась от очередной драматической паузы, хоть и понимала, что в желании подразнить Дмитрия слегка переигрываю, – пришли к удивительному взаимопониманию. Меня полностью устраивает брак с ним.

До гостя не сразу дошел смысл моих слов. Несколько секунд он, обманутый в своих нелепых ожиданиях, тупо моргал. Потом его лицо исказила неприкрытая злоба, так что я даже отшатнулась, приготовившись кричать, если понадобится.

– Еще немного, и я в самом деле проверю в это, – прошипел он и, резко поклонившись, ушел в сторону своего флигеля.

Дождавшись, пока за ним захлопнется дверь, я прыснула со смеху. Вскоре ко мне присоединился и Игорь: его бархатный голос прокатился по комнате, заставив сердце забиться чаще. Он больше не скрывался – неспешно вошел в прихожую и оглядел мое поле боя, которое враг позорно покинул всего пару мгновений назад.

– Это самый приятный разговор из всех, что мне доводилось подслушивать, – совершенно светским тоном отметил он.

– Не удивлена. Я давно заметила, что вам нравится выводить Дмитрия из себя.

Я снова присела над книгами, и на этот раз Игорь не стал уходить: сел рядом, рассматривая пожелтевшие не столько от времени, сколько от плохих условий хранения тома.

Мы почти соприкасались плечами, и стало как-то слишком душно.

– Открой окно, – велел Игорь служанке и коснулся шейного платка, будто собираясь оттянуть его от горла, но в последний момент поборол этот инстинктивный порыв.

Когда работница бросилась исполнять поручение, он наклонился ко мне слишком близко.

– Куда больше меня порадовали ваши слова о нашем браке. Только не говорите, что радоваться этому мне уже поздно – знаю и сам.

– Я сказала это лишь чтобы уязвить Дмитрия, – попыталась оправдаться я, но судя по скептичной улыбке мужа, он мне не поверил. И правильно сделал.

– Вас совсем не разозлило, что я осталась с чужим мужчиной наедине? – уточнила я, запоздало вспомнив о местных строгих приличиях.

– Меня разозлила беспардонность нашего гостя. Но я знал, что вы не спустите ему такое поведение, – лишь пожал плечами он, сортируя по алфавиту те из книг, что были написаны на греческом и к которым я не знала, как подступиться.

– Доверяете мне?

– Безусловно.

Настал мой черед скептично улыбаться.

– А вы мне – все еще недостаточно. Жаль, ведь я пришел, чтобы предложить вам повторить эксперимент с восстановлением утраченной памяти. У меня появилась на этот счет кое-какая идея.

– Какая? – я тут же забыла о книгах и уставилась на мужа.

Еще с самого утра мысли то и дело возвращались к обстоятельствам пробуждения. Пыльные ножницы, чистый пол, искромсанная ткань с ровными порезами, будто ее заготавливали на лоскуты для шитья, а не просто рвали в беспамятстве. Здесь что-то было не так, я чувствовала, но объяснения не находила.

Заметив мой явный интерес, муж довольно улыбнулся.

– Давайте уберем книги в кабинет и продолжим разговор там.

Зараза, использует мою же тактику против меня: минуту назад я дразнила Дмитрия лишними паузами, теперь Игорь тянет кота за хвост, заставляя изводиться от любопытства. Главное, чтобы его идея не разочаровала меня так же, как мое признание разочаровало не в меру любопытного гостя.

Еще около часа мы раскладывали книги, чтобы удобнее было перенести их и расставить по шкафам. Покончив с делом, я уже сама схватилась было за ближайшую стопку, но Игорь предупреждающе сжал мое запястье.

– Хотите, чтобы завтра же во всех салонах губернии шептались, будто герцог Антониу заставляет жену делать работу слуг? – полушутя спросил он, но взгляд оставался серьезным.

Я натянуто улыбнулась и оставила книги, позволив мужу позвать работников и указать, в каком порядке стопки надо перенести в кабинет.

Расставлял книги тоже в основном он, перед этим почти в приказном порядке усадив меня на кресло за широким столом. Пока он расставлял тома по полкам, изредка меняя их порядок по моим указаниям, я рассматривала кабинет. Он обрел куда более жилой вид с момента приезда Игор. На столе лежали изящные писчие принадлежности: серебряное перо с резным орнаментом на ручке, строгая чернильница с острыми гранями и плотной крышкой, стопка документов, прижатая к столешнице массивным пресс-папье в виде девы в греческой тоге и с кувшином в руках, вырезанной из обломка белого камня. Неужели осколок мрамора?

Я почти коснулась прохладной белой поверхности, но Игорь остановил меня, положив на стол одну из книг, которую я прежде не видела. Должно быть, он привез ее с собой.

– Вам стоит пока воздержаться от магии, на всякий случай, – напомнил он и вернулся к шкафам.

– Настя вчера говорила то же самое, – вздохнула я и собиралась посетовать, что меня поучают все, кому не лень, но в последний момент передумала.

Правы ведь, так чего упираться?

В том месте, где прежде стояла книга, что теперь лежала передо мной, остался зазор, и я заметила в дальней части полки отблеск стеклянной бутылки, наполненной лишь на треть. Наверняка там еще и парочка бокалов припрятаны, но спрашивать, часто ли муж выпивал после наших с ним перебранок, я не стала.

Из праздного любопытства открыла книгу на первой странице. Текст оказался на греческом, зато размашистая подпись над ним – на русском. Почерк был крупным, неразборчивым и неуверенным, будто писавший плохо знал язык, на котором оставил послание. Но присмотревшись хорошенько, я наконец начала различать буквы.

Его Высочеству Игорю Павловичу Антоніу въ качествѣ… – дальше шло неразборчивое слово, которое можно было прочесть и как сѣрдѣчной, и как скромной – ...благодарности за радѣнія о судьбѣ странъ его отца и славныхъ прѣдков.

– Я и забыл, что министр ее подписывал, – проворчал Игорь, мельком взглянув на стол, но в его тоне я слышала больше растерянности, чем досады.

– Расскажете, как получили столь высокий титул, Ваше Высочество? – не стала церемониться с расспросами я.

Глава 7

Игорь снисходительно улыбнулся мне, как проказливому ребенку.

– В следующий раз, прежде чем пользоваться этой шуткой против меня, вспомните, что как моя супруга вы тоже принцесса. Принцесса Антиквы, или же принцесса Антониу. И хотя, к сожалению, статус принцессы по браку не позволяет мне назвать вас принцессой Александрой, но Вашим Высочеством – вполне.

Пристыженная тем, что не подумала об этом совершенно очевидном обстоятельстве раньше, я ощутила, что краснею. Но сдаваться не собиралась.

– Это временно. И вы не ответили на мой вопрос.

Игорь перестал улыбаться. То ли ему не понравилось напоминание о скором разводе, то ли напоминание о вопросе.

– Что ж, раз вам так угодно, в этой истории нет ничего тайного, хоть я бы предпочел о ней не говорить. После смерти отца его сторонники надеялись, что я возглавлю Антикву, но сам я уже тогда понимал, что вряд ли долго проживу, став новым предводителем страны. В этом меня дополнительно убедили и несколько покушений. Вместо того, чтобы продолжить дело рода, я струсил и всячески тянул время. Сторонники Антониу предложили короновать меня, чтобы сделать мое правление более легитимным, но я согласился лишь на титул принца и вел переговоры с теми, чья кандидатура устроит всех или хотя бы многих.

Пока муж говорил, большая часть книг уже оказалась расставлена по полкам. Я наблюдала его руками. Смотрела, как нежно он проводит по корешкам некоторых из них, и завидовала бездушным обложкам, только сейчас понимая, что у нас наверное и могло бы что-то сложиться. Не идеально, не без ругани и притирки, уж точно без сумасшедшего пожара влюбленности, но могло бы.

Однако может и к лучшему, что я не думала об этом раньше, иначе сейчас разводиться было бы уже поздно и оставалось бы лишь дожидаться конца.

– И вы нашли Людвига, – поторопила я, осознав, что уже почти минуту мы оба молчим.

– Да. Его кандидатура устроила и Империю, и новое правительство Антиквы, и почти всех, кто был замешан в конфликте. На родине корона ему не светила, так что он упирался лишь для порядка. После его коронации я сразу покинул Антикву.

– То есть, от титула вы не отказались? – тут же уточнила я.

– Нет. Должен был, но мой отец, а прежде и дед так стремились получить эту корону, что я хотя бы так решил почтить память их обоих. Пусть и формально, но теперь они добились своего.

– А в России герцогский титул жалуют королям или принцам других стран, – заключила я.

Теперь хоть это стало понятно.

Игорь поставил на полку последний том и повернулся ко мне.

Ждет, что буду его упрекать? Напрасно.

– По-моему, вы поступили не трусливо, а разумно. Получается, война наконец прекратилась именно вашими стараниями. Взойди вы на трон – раскол бы продолжился, вы бы скорее всего впустую погибли, вот только продолжить дело Антониу было бы некому.

– Я утешаю себя теми же рассуждениями, – кивнул муж.

Мы немного помолчали. Я бездумно перелистывала страницы книги на незнакомом языке, Игорь медленно прошелся по комнате и вскоре встал у меня за спиной.

– Откройте на сороковой странице, – попросил он.

Я перевернула несколько листов.

– Что это за книга?

– Руководство по моему дару из королевской библиотеки Антиквы. Его я получил перед отъездом в числе прочих подарков.

Игорь положил ладони мне на плечи, так же как в прошлый раз, когда мы пытались выяснить что-нибудь о моем припадке.

– И чем же она отличается от тех, которые есть в России?

Я подавила желание дернуть плечами и сбросить его руки: не от отвращения, скорее наоборот – прикосновения казались слишком уж приятными. Настолько, что я почти боялась их. Или своей реакции на них? Сложно сказать.

– В Антикве дар гипноза используют не совсем так, как здесь. Там его практикуют не тайно от объекта вмешательства, а путем диалогов, которые постепенно вводят собеседника в легкое подобие транса. В прошлый раз я пытался воспроизвести этот метод по памяти, но увы, я не слишком хорошо с ним знаком и по-видимому спросил о чем-то, что вас насторожило. Сегодня я не собираюсь повторять эту ошибку.

Ладони Игоря сместились с ткани рукавов ближе к шее, к открытой коже, и я все же вздрогнула.

– Прикосновение облегчит задачу нам обоим. Я не сделаю ничего сверх необходимого, – ощутив, что я задрожала, поспешил заверить Игорь.

– Даже не знаю, радоваться ли этому, – горько усмехнулась я.

Ожидала ответа, но Игорь сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей.

– Как же вы собираетесь избежать прошлой ошибки? – тут же перевела тему я.

– Вы заранее скажете, каких тем мне лучше не касаться, и я не стану. Таким образом вы будете знать, что вам ничего не угрожает, и сможете довериться мне.

Каких тем ему не следует касаться? Наверное, это разумно. Вот только что это за темы?

– Что вас обеспокоило в прошлый раз? – спросил муж, поглаживая большим пальцем кожу на моей шее.

Он, похоже, делал это неосознанно, и я решила не сопротивляться. Всего лишь невинное прикосновение, от него не будет никакого вреда, верно?

– Я не хочу говорить о браке и вообще обо всем, что касается нас с вами. Но что если в ходе разговора мы наткнемся на еще одну неприятную тему, о которой я просто забыла?

– Если так, то я дам вам немного отдохнуть, а потом можем попробовать снова. Рано или поздно мы исключим все опасные вопросы.

– А если тогда вообще не о чем будет говорить?

– Как минимум останется погода и список блюд, которые вы планируете приготовить из Биг-Бена каждое утро, – я слышала в голосе Игоря улыбку, но его пальцы перестали ласково терзать мою кожу. Чувствовала ли я облегчение или сожаление – не знала и сама.

Он слышал все угрозы в адрес моего живого будильника? Стыд-то какой. Но лучше говорить о тушеной курице, чем о том, что я чувствую, когда Игорь ко мне прикасается.

– Тогда давайте начнем? – решилась я, хотя ощущение появилось такое, будто собираюсь с головой броситься в прорубь в сорокаградусный мороз.

Снова потянулась цепочка вопросов. Про утро, завтрак, работу, приезд Дмитрия и мои эмоции по этому поводу. Теперь вопросы касались в основном бытовых вещей, и я в самом деле быстро расслабилась. Иногда Игорь замолкал, перелистывал страницу книги, видимо ища в ней подсказки для правильных формулировок, и вскоре примитивный диалог возобновлялся.

Сколько людей село за стол за обедом? Сколько поднялось из-за него и в каком порядке? Какого цвета была юбка на Фекле в тот день?

В здравом уме я бы вспоминала с трудом, если бы вообще вспомнила хоть одну из тех многочисленных деталей, о которых спрашивал Игорь, но ответы приходили на ум легко и естественно, мгновенно поднимались из самых далеких глубин памяти и слетали с языка еще прежде, чем я успевала их осознать.

Душу охватило странное спокойствие, почти оцепенение. Я верила, что Игорь в самом деле не станет касаться опасных тем, потому без труда вверяла ему содержание собственной памяти, о котором порой и сама не подозревала. Но когда разговор дошел до главного, начались странности.

– Во сколько вы отошли ко сну?

– Около половины одиннадцатого.

– Была ли на небе луна, когда вы поднялись ночью?

Я уже так привыкла, что на любой его вопрос без труда нахожу ответ, что когда в голове поселилась абсолютная пустота, даже растерялась.

Игорь повторил. Я снова не смогла ответить.

– Вы напуганы?

– Нет.

– Вы доверяете мне сейчас?

– Да.

– Тогда почему молчите?

– Мне нечего ответить.

Игорь еще несколько раз задавал разные вопросы. Встала ли я босиком, или надела домашние туфли? Смотрела ли вообще в окно? Где взяла ножницы? Сколько надрезов сделала на ткани? Увы, ни на один из них я так и не смогла ответить – в голове зияла звенящая пустота.

Спустя почти час расспросов муж сдался, и мне трудно его за это осуждать. Я и сама вымоталась, хоть и молчала большую часть времени.

Игорь убрал руки с моих плеч, и туман в голове моментально рассеялся, оставив после себя лишь легкую боль, которая быстро стихла.

– Простите.

– Вы сделали все, как мы договаривались. Но я либо не помню прошедшей ночи, либо вовсе этого не делала. Но если не я, то кто?

Игорь промолчал. Обеспокоенная тишиной позади, я обернулась, и впервые увидела его таким бледным.

– Может, Александра. Если допустить, что в тот день, когда вы очнулись в этом теле, она не ушла насовсем.

Глава 8

– Звучит слишком фантастично даже для мира, в котором есть магия, – усомнилась я. – Но если бы ее дух не совсем покинул мир живых, значило бы это, что ваша жизнь все же не повторяет сценарий отцовской?

Бессмысленная надежда, и по тому, как нахмурился Игорь, я поняла, что все это – лишь пустые теории. На практике самое необычное, что я видела и чувствовала – память антиквариата. Даже воспоминаний прежней Саши на мою долю выпала совсем кроха, да и то это лишь имена самых близких родственников. Даже имя Игоря я не вспомнила бы, не укажи он его в письме.

– Это лишь мое предположение. Чтобы его проверить, лучше дождемся профессора. Я уже написал ему, но путь из столицы неблизкий. Вряд ли он доберется до Рысевска раньше, чем мы отделаемся от гостеприимства Дородиных.

– А до тех пор мне что, спать связанной? – растерянно уточнила я, слабо понимая, что вообще можно сделать, чтобы эти припадки прекратились. Пользуюсь даром – не пользуюсь, результат ведь все равно один.

– Это лишнее. Пусть женщины дежурят по очереди в вашей спальне. Не в будуаре, за закрытой дверью, а рядом с вами. Так они смогут сразу заметить неладное, да и мне будет спокойнее, – Игорь наконец-то вышел из-за моей спины, шею сразу обдало прохладным воздухом, и я поежилась.

– Вам-то что переживать? Это ведь не вашу усадьбу я разрушаю с завидной регулярностью.

Игорь цыкнул, покачал головой и не ответил.

Следующие два дня прошли в очередных сборах, с которыми я точно бы не справилась без помощи Насти и Агриппины. Подруга вновь оживилась, старуха-управляющая и вовсе никогда не теряла боевого настроя, и вместе мы распоряжались погрузкой многочисленных вещей в несколько телег.

Одежда, кое что из предметов обихода, чего, по заверениям Игоря, точно не будет в принимающем нас доме, но самое главное – подарки и угощения для принимающих нас гостей: соблюдая приличия, мы не могли явиться с пустыми руками.

В любую свободную минуту между сборами я забегала в мастерскую, чтобы проверить, как идут дела с одной из картин, присланных губернаторшей. Снимать с нее защитный слой не было необходимости, но я хотела, чтобы Никита научился делать все в точности. Он, сверкая глазами, очень тщательно исполнял мои указания. В его бережных прикосновениях даже к грубо нарисованному холсту я видела знакомый трепет: как у многих студентов, которые впервые в жизни сталкиваются с чем-то по-настоящему ценным. Мне нравилось видеть, как он аккуратно, совсем маленьким кусочком ваты, очищает масляный холст от грубого слоя лака, обнажая первозданный цвет масла, который оказался куда легче и ярче, чем я предполагала.

Федор от предложения тоже научиться этому способу реставрации отказался.

Руки у Никитки хоть и грубые, но ладони тонкие, что у девицы, вот пусть он и занимается. А я для такой работы не гожусь. Дозвольте мне лучше раму новую для портрета вашей матушки вырезать – старая уж больно потрескалась, – и я позволила, иначе пришлось бы искать ему новое занятие, а времени на это совсем не оставалось.

В гости к соседям мы ехали с таким количеством вещей, что хватило бы на год: помимо вороха приличной одежды и отдельной телеги со снедью везти пришлось даже постельные принадлежности – в письме, которое Игорь показал мне между сборами, говорилось, что гостей будет очень много.

Обычно такая формулировка означает, что хозяевам может не хватить кое-каких мелочей для уюта гостей, – пояснил Игорь на мой вопросительный взгляд.

Спрашивать, зачем же приглашать целую ораву, если не можешь разместить ее в доме, я не стала. И так понятно, что положение обязывает.

С нами ехали и Дмитрий, и Настя, и Николай, для которых Дородин расщедрился на отдельные письма с приглашениями с приложенными к ним изящными визитками. Я даже слегка разозлилась, когда выяснилось, что единственная не получила письмо: по местным правилам приглашение мужа на званый обед, ужин или в гости автоматически означало, что ждут и его жену, так что мне отдельной визитки не полагалось.

Как кошка домашняя или собачонка, – проворчала я, когда думала, что Игорь не слышит.

Даже жаль, что вы на самом деле не кошка, Саша, – внезапно отозвался он. – Кошку я мог бы по крайней мере баловать, не спрашивая на то ее позволения.

И поди пойми, что это значит. Может, и правда породистую кошку завести, если уж ему так хочется покупать кому-нибудь шелка и дорогие украшения?

Вскоре объяснение его словам нашлось: перед отъездом он подарил мне изящную трость для верховой езды, красивый широкий пояс, перчатки, шляпку, бархатки на шею и руки с красиво обрамленной тонким золотом бирюзой – все в тон. Припомнив его сетование по поводу кошки, я решила не уточнять, что такое внимание излишне, и лишь поблагодарила и взяла их с собой, чтобы блистать на конных прогулках. Судя по сдержанной улыбке, моей реакцией муж остался вполне доволен.

Путь оказался неблизким: мы выехали, как только рассвело, и добрались до усадьбы Дородиных ближе к вечеру, миновав по пути еще два имения. Может, дорога прошла бы быстрее, но в полдень мы встретились с соседями – Сорокиными, и пока наши телеги и коляски разъезжались на узкой дороге, прошло почти полтора часа. Правда, остаток пути мы проделали за приятным обменом новостями: пригласили Сорокиных в свой экипаж, и Варенька с увлечением рассказывала, какой богатый урожай пшеницы на их полях будут снимать осенью. Ее болтовня избавляла нас с Игорем от необходимости разговаривать друг с другом, так что повода для очередной перепалки мы за целый день так и не нашли.

Дородины жили в просторной усадьбе на солнечной склоне холма, под которым раскинуть заросшее камышами, не слишком живописное озеро. На его фоне дом, блистающий белыми колоннами и барочными украшениями фасада смотрелся слишком вычурным. Может, пруд не облагораживали специально, чтобы его простота и дикость оттеняли богатство постройки, а может, все силы и деньги ушли на приведение усадьбы в порядок: судя по яркости красок и цвету дерева, ремонт завершился совсем недавно.

Мы прибыли не первыми, но и не последними. Сама мать семейства встретила нас, вслед за ней на широкое крыльцо для приветствия вышел и еще один мой недавний знакомый – барон фон Сона с прелестной улыбчивой блондинкой. Соблюдая правила приличного общества, супруги не слишком жались друг к другу и муж не вел жену под руку, но в том, что блондинка – баронесса фон Сона, я не усомнилась ни на секунду: она то и дело обращалась к мужу, посылая ему каждый раз ослепительную улыбку, и нисколько не стесняясь своей радости быть рядом с ним.

– Такая пара – это чудесно, не правда ли, дорогой? – щебетала она, произнося медовое дорогой без всякого ядовитого подтекста, так что я даже слегка позавидовала. – Такие красивые рядом, и столь уместное сочетание даров!

– Важнее, чтобы уместным было сочетание характеров. В этом вы с бароном, как я вижу, весьма преуспели, – поспешила ответить любезностью я, заметив, с какой нежностью Йонас смотрит на молодую жену.

Марья – так звали очаровательную блондинку – рассмеялась колокольчиком, и я поняла, что обмен любезностями может затянуться. К счастью, хозяева поспешили пригласить нас в дом, прерывая сумбурные приветствия.

Хоть прибыли еще не все гости, народу в доме уже собралось предостаточно. Даже с первого взгляда стало ясно, что отдельных комнат на всех точно не хватит. Пока я гадала, как хозяйка решит вопрос с размещением многочисленных друзей семьи, нас всех проводили в гостиную. Меня под руку подхватил Горский, Игорь сопровождал Вареньку, которая, не переставая о чем-то увлеченно рассказывать, освобождала его от необходимости поддерживать беседу, и мы разместились в просторной гостиной, где уже отдыхали другие приглашенные.

Двое почти стариков встали, их жены поприветствовали пошедших легкими поклонами, не поднимаясь со своих мест, скромно стоящие у стен дети незнакомых мне семей синхронно склонились. На секунду мне показалось, что на нас с Игорем сразу скрестились все взгляды, но я тут же обругала себя слишком мнительной и выпрямила спину.

Во время конных прогулок, которые стали нашей с мужем ежеутренней традицией, он объяснял мне основные правила поведения в свете. Сам Игорь уверял, что большая часть из них мне не пригодится, но глядя на холодные, вежливые улыбки, я быстро в этом усомнилась. Как бы не проходили в этом доме праздники прежде, в этот раз хозяйка явно решила сделать размах поистине королевским, и все приглашенные чувствовали это.

– Дородина в жизни так не старалась, – тихо подтвердил мои невысказанные подозрения Горский, и, чуть наклонив голову, взглянул на Игоря, намекая о причине стараний матроны.

– А Игорь прежде бывал в их доме? – так же тихо уточнила я, чтобы окончательно убедиться в правоте своей догадки.

Горский покачал головой и усадил меня в удобное кресло неподалеку от пожилых дам, попутно представляя меня им. Те тут же впились в меня любопытными взглядами, уже не скрываясь, затем переключились на Игоря с Варенькой, и наперебой принялись расхваливать своих незамужних дочерей. Девушки, смущенные явно непривычной обстановкой и вниманием, отвешивали слегка неуклюжие реверансы, стоило матерям назвать их имена, смотрели в пол и отчаянно краснели то ли от стыда за беспардонность родительниц, то ли от скользящего по ним равнодушного взгляда самого настоящего принца.

Когда начали подавать чай, Пенелопа поднесла Игорю чашку первому, хоть рядом сидели и мужчины гораздо старше него, которым угощение, насколько я поняла, полагалось первым.

Может, священник проболтался о скором разводе, и теперь место жены Игоря считается вакантным? Хотя помнится, как раз таки в церкви нас старательно отговаривали от разрыва. Но даже если источник их информации другой, мне не стоит сопротивляться и напоминать о своем присутствии: мы ведь вскоре и правда разведемся, так чего поднимать шум?

Глава 9

Когда всеобщее внимание оказалось бесповоротно приковано к Игорю, одна из престарелых гостий, желая то ли подбодрить, то ли отвлечь, повернулась ко мне.

– Правда ли, что вам по силам восстановить оригинальный цвет старинных полотен? – спросила она.

Я чуть не встрепенулась от радости, но вовремя вспомнила о манерах и лишь сдержанно кивнула.

– Все так. Если желаете, приезжайте к концу лета в нашу усадьбу, я буду рада показать вам результаты моей работы, – предложила ей, делая мысленную зарубку, что после устного приглашения непременно нужно будет отправить женщине письмо, иначе мои слова так и останутся лишь пустой вежливостью.

– И фарфор склеиваете так, что не остается даже трещин? – продолжила с искренним интересом расспрашивать она.

– Трещины все же остаются. Увы, раны не проходят бесследно ни для людей, ни для вещей, – чуть осторожнее выразилась я.

– А если, скажем, нескольких частей сосуда недостает, сможете ли вы его починить? – начала наконец подбираться к сути вопросов моя новая знакомая.

– Зависит от вещи. Мне нужно взглянуть на осколки, прежде чем можно будет уверенно о чем-то заявлять, – стала еще аккуратнее я.

Если осколки совсем мелкие, то помочь делу вряд ли удастся. Но если осталось хотя бы несколько крупных частей, у меня есть идеи, как скрепить их и чем заполнить пустоты.

– Не подумайте, что я донимаю вас из праздного интереса. Недавно безрукая кухарка расколола любимую чашку моей бабушки. Старушка так любила ее, да и мне эта чашка нравилась – она последняя из старинного французского сервиза. Я все никак не решалась выбросить осколки, и вот уже почти, однако Варвара рассказала мне о ваших чудесных навыках. На вас последняя надежда, Александра! – судя по тому, как ускорилась речь матроны, чашка и впрямь была ей дорога.

– Непременно приезжайте в гости и привозите осколки. Я приложу все силы, чтобы их спасти, – заверила ее я, мысленно потирая руки.

Первая клиентка – есть! И хоть мне тревожно, что могу оплошать с первым же заказом, все же отказываться от него просто глупо.

За беседой я и не заметила, как старшая Дородина снова выпорхнула на крыльцо и вернулась с еще одним знакомым мне лицом.

Первой в комнату входила суховатая женщина в сером платье, возраст которой определению не поддавался из-за строгости бледного лица и костюма, но за ее спиной несокрушимой скалой стоял князь Горский.

– Как я рада, что все теперь в сборе, – ворковала Дородина, провожая гостей к оставшимся свободным креслам. Соседнее от меня справа как раз занял князь. Пенелопа тут же подскочила к нему с чаем, затем по-дружески обняла его жену.

– Рад видеть, что хотя бы вы вытаскиваете нашего принца из затворничества, – тихо сказал он. – И не менее рад представить вам свою супругу, Елизавету Михайловну, – он повернулся к жене, я склонила голову в знак приветствия, она поступила так же, но быстро присоединилась к Дмитрию, Николаю и Марье, которые увлеченно что-то обсуждали.

Беседа в гостиной возобновилась, но я не слишком стремилась в ней участвовать. Пригубила чай и наблюдала, как Игорь с ловкостью опытного дуэлянта острит на тему собственной коронации трехлетней давности. При этом чувствовала, что Горский продолжает наблюдать за мной. Вскоре, не выдержав, повернулась к нему с немым вопросом.

– Разводу все-таки быть? Жаль. Мне показалось, вы с ним достигли взаимопонимания, – почти одними губами спросил он, переводя взгляд на барышень.

– Откуда вы знаете? – невежливо задав встречный вопрос, я прищурилась.

– Выходит, Игорь вам не рассказал. Тогда прошу прощения, вам лучше обсудить этот вопрос с ним, – пошел на попятную князь, явно смущенный своей излишней разговорчивостью.

О чем не рассказал? Какой еще вопрос? О небесная праматерь, у моего мужа когда-нибудь закончатся секреты? Только мне начинает казаться, что я вытащила из него большую часть информации, как под ней обнаруживается новый, ранее невидимый слой. Сколько еще это будет продолжаться?

Как бы меня не съедало любопытство, разговор, видимо, придется отложить до возвращения в усадьбу: вряд ли в чужом доме, да еще и битком набитом гостями, у нас найдется достаточно времени и уединения для приватного разговора.

Когда беседа начала стихать, Дородина старшая громогласно объявила, что подан ужин, и пригласила всех гостей в столовую. Горский, избегая дальнейшей беседы со мной, тут же поднялся и подал руку моей недавней собеседнице и первой клиентке. Игорь, явно утомленный стайкой молодежи вокруг, оказал вежливость ее соседке, мне же, как и остальным молодым женщинам, пришлось дожидаться, пока первыми из гостиной не выйдут дамы самого почтенного возраста. А потом принимать руку Дмитрия.

– Вы оскорбили меня недавно, а меж тем я был прав, и сегодня лишь еще раз убедился в холодности вашего мужа, – не преминул отметить он.

– Игорь Павлович лишь достаточно вежлив, чтобы не оскорблять ни нас с ним, ни окружающих излишним проявлением чувств, – с показной холодностью отбрила шпильку я, хоть осадочек на душе остался.

Наверняка не один только Дмитрий заметил, что отношения между мной и Игорем совсем не такие, как например между супругами фон Сона. Даже Горский нет-нет да поглядывал в сторону жены, Игорь же едва ли повернулся ко мне с тех пор, как мы вошли в гостиную.

В столовой хозяева, вероятно, решили собрать лучшие вещи из тех, что нашлись в доме. Какие-то странные статуэтки, некоторые даже позолочены, ароматные букеты цветов в массивных вазах, несколько крупных картин в тяжелых рамах – обилие вещей создавало какофонию цветов, запахов и бликов, и отдавало безвкусицей. Но разумеется гости дарили этой нелепой экспозиции прохладные комплименты.

– Они будут очень старательно показывать, что породниться с ними выгоднее, чем с дочерью покойного дипломата, – шепотом кольнул напоследок Дмитрий, подводя меня к месту у стола, где лежала карточка с моим именем.

Да уж, Дородина действительно старалась устроить по-настоящему королевский пир.

Хозяева дома заняли места в центре длинного стола. Я оказалась через два места по правую руку от Дородина, моим соседом слева, как назло, стал Горский. Игорь, на правах самого знатного мужчины, занимал место по правую руку от хозяйки, моя пожилая собеседница из гостиной сидела справа от хозяина. Остальных рассадили так, чтобы мужчины чередовались с дамами, при этом все семейные пары оказались разделены и общество – перемешано. Прямо не стол, а шахматная доска, вот только со мной и Горским Дородина просчиталась. Интересно, допустила ли она и другие промахи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.